

Достаточность банковского капитала: новые подходы и перспективы их реализации

А. Ю. Симаковский,

*директор Департамента пруденциального банковского надзора Банка России,
член Рабочей группы Базельского комитета по банковскому надзору
по вопросам реализации принципов эффективного банковского надзора*

Существующие подходы и их критика

У Базельского соглашения 1988 г.¹ (далее - Соглашение), определившего общемировые стандарты оценки достаточности банковского капитала и обеспечившего существенный рост капитализации банков, нелегкая судьба. Фактически с рождения оно стало объектом острой критики. В конце 80-х и начале 90-х его критиковали за дестимулирование кредитной активности банков в США и Европе в результате введения дополнительных требований к достаточности капитала². С середины 90-х годов основные претензии адресуются принятой в рамках Соглашения системе оценки кредитного риска, которая рассматривается как грубая и неадекватная. Первоначально критика исходила от крупных американских банков и их клиентов, а затем приобрела международный характер. По мнению критиков, рекомендованные Соглашением подходы:

а) не позволяют адекватно оценивать реальный уровень кредитного риска. Например, в соответствии с Соглашением кредиты фирме, имеющей высший международный рейтинг кредитоспособности, несут с точки зрения потребности в капитале тот же риск, что и кредиты фирме с очень низким рейтингом;

б) ориентированы при определении уровня кредитного риска на так называемый клубный принцип (подход). В соответствии с Соглашением суверенный риск стран и банков стран, входящих в ОЭСР, оценивается как заведомо более низкий, нежели стран, не входящих в данную организацию. Такой подход не всегда отражает экономические реалии и, помимо всего прочего, вызывает справедливые нарекания в применении на практике норм, имеющих дискриминационный характер³;

в) создают прямые предпосылки для ухудшения кредитного портфеля банков. Из пунктов «а» и «б» вытекает, что Соглашение не стимулирует банки отдавать предпочтение клиентам, кредитование которых является экономически (т. е. реально) относительно менее рискованным, поскольку кредиты таким клиентам с точки зрения Соглашения имеют тот же уровень риска, что и другим, в действительности менее надежным клиентам и требуют такого же капитала. Более того, Соглашение фактически поощряет предоставление кредитов именно худшим клиентам, по-

скольку при равных требованиях по покрытию этих рисков капиталом выдача ссуды худшему клиенту (клиенту с более высоким риском) может иметь преимущества с точки зрения доходности операции;

г) возлагают на банки (в силу ситуации, отмеченной в литературе «а») дополнительное экономическое бремя, ухудшающее их шансы в конкурентной борьбе с другими финансовыми посредниками (это особенно больной вопрос для банков США);

д) не стимулируют использование банками инструментов минимизации кредитного риска (обеспечение, неттинг) и тем самым дестимулируют их применение, поскольку оно сокращает доходность сделки (ниже риск – ниже доходность), не снижая при этом потребности в капитале. Кроме того, поскольку финансовая жизнь с 1988 г. не стояла на месте и постоянно рождала новые формы и инструменты защиты от рисков – кредитные деривативы, например, Соглашение по отдельным компонентам достаточно быстро отстало от скорой на выдумки практики.

В результате Соглашение (по мнению критиков) не поощряет разумную конкуренцию потенциальных заемщиков и не способствует повышению надежности банков.

Критика ширилась и крепла, и к концу 90-х недостатки методики оценки кредитных рисков, предложенной Соглашением, были официально признаны Базельским комитетом по банковскому надзору. В июне 1999 г. Комитетом был издан Консультативный документ под названием «Новые подходы к достаточности капитала»¹, один из параграфов которого именуется «Достоинства и недостатки действующего Соглашения» («Merits and weaknesses of the current Accord»)². Разумеется, задачей документа является не критика существующих подходов, а определение новых, более совершенных способов решения проблемы оценки достаточности капитала банков.

Новые подходы: организационный аспект

Что же предлагает проект? Прежде всего, предполагается рассматривать проблему достаточности капитала как комплексную и подходить к ее решению более тонко, нежели это делается в рамках действующего Соглашения. Комплексность выражается в том, что оценку достаточности

¹ Basle Capital Accord - BCBS. - Basle, 1988.

² См., например, The New Palgrave Dictionary of Money and Finance. - The Macmillan press ltd, 1994. - Vol 1. - P. 285.

³ Любопытно, что именно крупнейшие (international active) банки и породили столь ими не любимый ныне клубный подход (см. пункты 33 - 37 Соглашения 1988 г.). Причем аргументация в пользу именно данного подхода была весьма весомой. Что и говорить, мирская слава проходит на удивление быстро.

¹ A New Capital Adequacy Framework. - BCBS - Basel, 1999.

² К слабостям Соглашения 1988 г. помимо отмеченных моментов: причисляется и то, что в его рамках расчет достаточности капитала не учитывает процентного и операционного рисков. Постановка вопроса является вполне правомерной, однако скольконибудь удовлетворительное решение пока не найдено. В силу этого данный аспект в статье не рассматривается.

капитала предполагается базировать на трех столпах (three pillars). К этим столпам (элементам) помимо компонентов капитала и минимальных требований по его достаточности (требования, существующие в Соглашении 1988 г.) Консультативный документ предлагает также относить мониторинг и оценку ситуации, связанной с достаточностью капитала, осуществляемые национальными органами банковского надзора (Supervisory Review of Capital Adequacy) и так называемую рыночную дисциплину (market discipline), т.е. конкурентную среду, которая учит, поощряет и наказывает субъектов рынка. Чтобы эта конкурентная среда лучше справлялась со своими обязанностями, информация о деятельности банков, в том числе о состоянии их капитала, должна быть более доступной, а сами банки соответственно более открытыми (транспарентными) для широких слоев общественности.

Трудно оспорить преимущество комплексного подхода. Сомнение вызывают только две вещи: насколько этот комплексный подход действительно нов и насколько он может быть отнесен только к разрешению проблемы достаточности капитала. Строго говоря, на оба эти вопроса должен быть дан отрицательный ответ. Трехэлементная формула регулирования (правда, без специального объявления) существует, видимо, столько же, сколько и само регулирование банковского дела. В самом деле, поскольку действуют регулятивные нормы (1-й элемент), постольку необходимо контролировать их соблюдение (2-й элемент). Что касается конкуренции, то без нее рыночная экономика просто не работает, а кампания за повышение транспарентности как фактора цивилизации конкурентной борьбы (3-й элемент) тоже ведется не первое десятилетие.

Безусловно, хорошо и правильно вслух заявить о трех источниках и трех составных частях чего бы то ни было, в том числе и эффективной работы органа банковского надзора по обеспечению надежной и устойчивой деятельности поднадзорных банков. Но почему об этом должно быть сказано именно в рамках прикладного документа, которым при всем своем значении являются рекомендации по достаточности банковского капитала? Ведь несмотря на то, что данный параметр (уровень достаточности капитала) чрезвычайно важен для успеха банковского дела, сама достаточность является производной не только от величины источников капитала, но и в существенно большей степени – от качества кредитного, торгового, инвестиционного портфелей банка. Однако управление банковскими портфелями не является или, во всяком случае в соответствии с традициями Базельского комитета по банковскому надзору, не являлось непосредственно предметом рекомендаций по достаточности капитала. Более подходящим местом для изложения данной позиции как принципиальной позиции Комитета служат «Основные принципы эффективного банковского надзора»¹. Тем более что эти принципы включают фундаментальные требования к организации процесса надзора за соблюдением регулятивных норм и в целом за состоянием банков. Развитие и детализация этих требований содержатся в документе «Методология оценки соблюдения основных принципов» (1999)².

Таким образом, с организационной точки зрения включение комплексности в один частный документ может спровоцировать ситуацию, когда подходы, до этого агреги-

рованные, начинают в известном смысле расплываться, растаскиваться по конкретным объектам внимания надзорных органов. При этом потенциально возникают две проблемы: методическая и техническая. Методическая проблема сводится к тому, что в разных документах Базельского комитета могут появляться различные версии требуемых элементов надзора. Техническая проблема связана с целесообразностью (коль скоро процесс пошел) тиражирования триединого подхода и включения адаптированных версий надзорного процесса и требований по раскрытию информации в большинство рекомендаций, изданных и издаваемых Базельским комитетом (по корпоративному управлению банками, управлению рисками, включая риск ликвидности, по организации внутреннего контроля и проч.). Нельзя сказать, чтобы это были крупные проблемы, тем не менее их существование создает определенный дискомфорт.

Обратимся теперь к существу вопроса, который состоит в поиске адекватных подходов к оценке достаточности банковского капитала. Прежде всего следует сделать небольшой экскурс в теорию.

Новые подходы: концепция экономического капитала

Предложения Базельского комитета родились как естественное развитие дискуссии на тему о том, что такое достаточный капитал для покрытия банковских рисков и как его количественно определить? Соглашение 1988 г. исходит из концепции *регулятивного капитала*. Регулятивный капитал - это капитал, которым банк (или иное юридическое лицо) должен располагать для проведения соответствующих операций, *поскольку этого требует регулирующий орган*. В данном случае не суть важно, какие основания имеет этот орган, чтобы требовать именно такую величину капитала, а не иную¹. Наряду с концепцией регулятивного капитала в современной западной теории существует также концепция *экономического капитала*. Экономический капитал – это капитал, необходимый для адекватного покрытия рисков, принимаемых конкретным банком. Рассмотрим концепцию экономического капитала подробнее.

Возьмем стандартную ситуацию. Банк предоставляет кредиты и несет по ним риски потерь. От рисков он защищается в первую очередь доходами, которые получает с заемщика (проценты, комиссия). Поскольку риски по разным заемщикам различны, то и доходы для их покрытия тоже должны быть разными. В конечном счете в конкурентной среде цена кредита – это цена доверия должнику или, что то же, цена риска банка. Процесс ценообразования – это исходный, первый рубеж обороны от рисков (потерь). Риски, которые должны покрываться ценами на банковские продукты, называются ожидаемыми (expected).

При выдаче и в процессе жизни ссуды и любого иного инструмента, несущего кредитные риски, рациональным для банка может быть формирование резервов под возмож-

¹ В действительности при определении так называемого коэффициента Кука (8 % достаточности капитала к активам, взвешенным по риску) Базельский комитет исходил из эмпирической вероятности дефолта и определенной степени безопасности, рассчитанной в соответствии со статистическими нормами и консервативными представлениями о характере рисков, угрожающих стабильности банков.

¹ Core Principles for Effective Banking Supervision. – BCBS. - Basle, 1997.

² Core Principles Methodology. - BCBS. - Basle, 1999.

ные потери². Подобные резервы (провизии) формируются во избежание одномоментного ухудшения финансового результата и снижения капитала (эти события, как правило, наступают при дефолте заемщика). Технически создание резервов происходит путем отнесения на расходы сумм, отражающих представления о возможных потерях. Сами по себе провизии не покрывают потери, так как это и есть потери, авансом отраженные на финансовом результате деятельности. Однако создание провизий позволяет растянуть влияние потерь на финансовый результат во времени и тем самым дает банку лучшую возможность для проведения необходимой реструктуризации активов и (или) принятия мер по увеличению капитала. Поэтому правомерно говорить о том, что провизии в любом случае имеют определенный амортизирующий эффект. Если провизии учитываются полностью или частично при расчете налоговой базы, этот эффект имеет не только временной, но и материальный характер, так как тогда создание провизий ведет к уменьшению капитала лишь в определенной части, а в другой части - к уменьшению налогов на прибыль банка (если банк имеет прибыль и должен платить с нее налоги).

Провизии – второй рубеж обороны от рисков, снижающей внезапность возникновения потерь и вероятность шоковых последствий для банковского капитала. Очевидно, доходы банка должны покрывать все нормальные (стандартные для данных условий) расходы по обслуживанию продуктов, включая расходы по созданию резервов. Иными словами, ожидаемые потери не должны компенсироваться непосредственно за счет капитала и не должны в силу этого вести к его снижению. Потери, превышающие ожидаемый нормальный для данных условий уровень, который должен быть предусмотрен ценой (и резервами на возможные потери), относятся к категории неожиданных (unexpected) потерь. Такие потери должны возмещаться капиталом. То же относится к непредвиденным потерям от рыночных и прочих рисков. *Капитал, необходимый для покрытия неожиданных потерь, в современной западной теории именуют экономическим.* Очевидно, что от того, насколько хорошо распознаны ожидаемые риски, т. е. насколько адекватно оценивается уровень предполагаемых потерь, зависит тот их объем, который темным пятном ложится непосредственно на капитал. Зависимость здесь обратная, и если ожидаемые риски хорошо распознаны, т. е. надлежащим образом учтены в ценовой и резервной политике, то капитала требуется меньше, а если плохо – то больше. Таким образом, экономический капитал в отличие от регулятивного субстанция живая и подвижная. При определенных обстоятельствах его

может требоваться меньше либо больше, чем капитала регулятивного¹.

Итак, в соответствии с современной экономической теорией ожидаемые риски (потери) отражаются или должны быть адекватно отражены в цене, а миссией экономического капитала является покрытие неожиданных рисков (потерь). Формирование этого капитала в объеме, достаточном для покрытия неожиданных рисков, составляет третью линию обороны банка.

В рамках рассмотрения концепции экономического капитала надо обратить внимание на следующее обстоятельство. Понятие неожиданных рисков способно порождать сомнения в возможности их оценки. В самом деле, если под неожиданностью понимать неопределенность, то тем самым исключается теоретическая возможность оценивать вероятность наступления тех или иных событий и, значит, исчезает методическая и практическая почва под концепцией экономического капитала, базирующейся как раз на оценке вероятности наступления дефолта и оценке величины его негативных последствий для кредитора. В действительности проблема лежит не столько в сфере теории вопроса, сколько в адекватности используемой терминологии. Поскольку концепция экономического капитала базируется на статистической модели, правильнее вести речь не об ожидаемых и неожиданных рисках, а о разной степени их ожидаемости (вероятности наступления). В этом смысле ожидаемые риски (потери) находятся, так сказать, в зоне устойчивого (надежного) ожидания. Неождаемые риски, находящиеся за пределами зоны устойчивого ожидания, распределяются между зоной потерь с более предсказуемой вероятностью наступления (статистически вероятные потери) и зоной менее предсказуемых потерь (потери, обусловленные действием стресс-факторов). Лучше всего статистическая модель иллюстрируется графической интерпретацией, которая представлена на рисунке (с. 28).

Поскольку речь в рамках графической интерпретации идет о кредитном портфеле, т. е. о достаточно массовой ситуации, а не об индивидуальном решении, появляются дополнительные возможности для оценки подхода. Так, из рисунка следует, что, согласно рассматриваемой концепции, экономический капитал призван покрывать не все риски (потери), находящиеся за порогом устойчивого ожидания, а лишь те, которые имеют значимую вероятность наступления (статистически вероятные потери). В то же время в жизни могут происходить любые неожиданности, включая и самые маловероятные. Задача исключения или снижения риска такого рода неожиданностей решается путем установления ограничений на величину риска (например, кредитного) в форме внутренних лимитов на проведение операций¹. Сохранению жизнеспособности банка в условиях шока служит также разработка стресс-тестов и планов проведения мероприятий на случай возникновения непредвиденных обстоятельств (contingency planning). Меры организационного характера (лимиты, стресс-тесты) - это четвер-

² Существующая российская практика ориентирована в основном на создание резервов при появлении ощутимых признаков угрозы дефолта, т. е. на их создание в процессе жизни актива. Зарубежная практика, дальше продвинувшаяся с точки зрения классификации ссудной задолженности по уровню кредитного риска, в последнее время все более активно использует возможность создания коллективных провизий под активы соответствующих классов до появления конкретных признаков дефолта. Такая возможность обусловлена тем, что потенциальный (статистический) уровень угрозы дефолта (риска потерь) по активам соответствующего класса известен из предшествующего опыта. В этом случае действует метод котла. Резервы отражают риск потерь не по конкретному активу, а по их группе с примерно равными характеристиками кредитного риска (вероятного дефолта).

¹ Следует отметить, что регулирующий орган стремится исключить ситуации, когда экономического капитала может потребоваться больше, нежели регулятивного.

¹ Разумеется, о внутренних лимитах есть смысл говорить в рамках концепции экономического капитала. Применительно к концепции регулятивного капитала следовало бы вести речь о внешних лимитах. Разновидностью такого рода внешних лимитов в России выступают нормативы крупных кредитных рисков (Н6, Н7, Н9, Н9.1, Н12, Н12.1).

тый рубеж обороны жизненного пространства банка после ценообразования, создания провизий и формирования капитала в объеме, достаточном для покрытия рисков, признаваемых статистически вероятными и лежащих за пределами надежного ожидания в зоне потерь, не покрываемых доходами.

Сопоставление индивидуальной и статистической моделей экономического капитала позволяет сделать следующие выводы:

экономический капитал является объективным параметром деятельности любого банка (как и любого предприятия, поскольку его деятельность сопряжена с рисками);

каждый банк должен стремиться к снижению потребностей в экономическом капитале, т. е. в конечном счете к снижению рисков или к их покрытию доходами. Таким образом, оптимальным является выявление рисков на стадии принятия решения о проведении той или иной операции. В любом случае потребность в экономическом капитале относительно тем ниже, чем раньше распознаны риски при условии адекватного реагирования на них банка;

степень достаточности реального капитала, или степень его соответствия экономическому капиталу, может быть достоверно оценена только в процессе функционирования банка. Банк может считать, что его реальный капитал соответствует экономическому, однако это субъективная оценка, которую жизнь может посрамить.

Экономический капитал: границы применения

Как было отмечено, экономический капитал выступает объективным параметром деятельности любого банка, если его риски могут быть описаны на базе статистической модели. Означает ли это, что любому такому банку может быть предоставлена возможность ориентироваться на его собственную оценку потребностей, а не на регулятивные требования? Разумеется, нет. Чтобы решиться на такой шаг, регулирующий орган должен удостовериться как минимум в следующем:

банк имеет надежную систему управления, в том числе систему управления рисками. Любая надежность проверяется временем. Надежность системы управления не является исключением. Претендующая на надежность система управления банком не должна давать серьезные сбои, по меньшей мере, в течение нескольких лет. В условиях нестабильной экономики временной интервал проверки надежности системы управления должен быть существенно выше, чем в относительно стабильных условиях. Признаками надежной системы является соответствие банка требованиям эффективного корпоративного управления, включая эффективную систему внутреннего контроля, а также наличие в банке адекватной (подтвердившей на практике свою адекватность) системы сбора, обработки и анализа информации;

банк имеет объективную возможность получать достоверную информацию о финансовом состоянии своих клиентов, включая потенциальных, а также о перспективах его изменения, в том числе по вопросам, касающимся непосредственно клиента, отраслевых и общеэкономических (системных) обстоятельств;

получаемая банком информация о кредитных рисках позволяет сформировать статистический ряд данных, выявить классификационные группы заемщиков с устоявшимся уровнем риска дефолта и относить новых заемщиков в те или иные группы.

Следует специально указать, что, предоставив банку возможность ориентироваться на его собственную оценку ситуации, регулирующий орган вступает в зону регулятивного (надзорного) риска, так как, передав банку формальные бразды правления собственной устойчивостью, он, как это ни покажется парадоксальным, принимает на себя дополнительную ответственность перед кредиторами банка и обществом. По свидетельству представителей регулирующих органов из развитых стран, немногочисленные получившие свободу банки проявляют особую осторожность и, не полагаясь больше на отеческую заботу органов надзора, стараются избегать рисков. В связи с этим величина их экономического капитала снижается относительно ситуации, когда их держали на коротком поводке регулятивных требований. Вряд ли, впрочем, можно рассчитывать, что такой подход будет характерен для серийного банка. Исходя из этого, регулирующий орган должен проявлять сугубую осторожность, принимая решение о переходе к новой модели регулирования, основанной в значительной степени на саморегулировании банков. Поэтому данная модель (саморегулирование потребности в капитале на базе концепции экономического капитала) может быть применена только к отдельно взятым банкам в отдельно взятых странах, то есть как исключение из правил. По свидетельству журнала «Экономист» со ссылкой на мнение не названного члена Базельского комитета по банковскому надзору, такой возможностью смогут воспользоваться около ста банков¹ (первоначально речь шла о кратно меньшем количестве). Возможно, их будет 200 - 300 - 500. Тем не менее даже при благоприятной перспективе и в наиболее развитых странах с благополучной экономической и банковской системой это составляет доли процента от общего банковского контингента.

Кредитные рейтинги и их тайны

А как быть со среднестатистическим банком? Помимо индивидуального подхода, базирующегося на использовании разработанных продвинутыми банками (sophisticated banks) и согласованных с органами банковского надзора методик оценки финансового состояния заемщиков и уровня кредитного риска по активам (внутренние банковские рейтинги заемщиков, моделирование кредитных рисков), Консультативный документ предлагает *стандартный* подход. В соответствии с этим подходом уровень кредитного риска, принимаемый при расчете достаточности капитала, определяется исходя из рейтинговой оценки заемщика, данной уполномоченным рейтинговым агентством, т. е. агентством, чьи рейтинги официально признаны национальным органом банковского надзора для целей расчета достаточности капитала.

Очевидно, с учетом обозримой перспективы саморегулирования доминирующее значение будет сохранять стандартный подход. Таким образом, в соответствии с предложениями Консультативного документа в оценке кредитных рисков для целей расчета достаточности капитала место Базельского комитета, этого ассоциированного представителя национальных органов банковского надзора, должны занять коммерческие рейтинговые агентства. Место бюрократических стандартов – тонкие методики, используемые

¹ The Economist. - 1999. - Nov. 27. - Dec. 3. - P. 89.

агентствами. Место клуба стран - членов ОЭСР – равенство всех перед рейтингом.

По форме – это грандиозная либерализация процесса, преследующая благую цель лучшего отражения в оценках достаточности капитала реального уровня кредитного риска, который несет тот или иной банк. Но насколько достижима поставленная цель? Теоретически при соблюдении ряда объективных и субъективных условий вполне достижима. К числу этих условий принадлежит, в первую очередь, стабильность экономики, а также квалификация и профессиональный подход к своему делу рейтинговых агентств. Гарантий, что эти условия будут выполнены, разумеется, нет. Полная стабильность экономики и финансов не достижима и для развитых стран. Для развивающихся – это и вовсе далекая мечта. Если вести речь о рейтинговых агентствах, то ошибки в их оценках не только возможны, но и практически неизбежны. Более того, поскольку через оценку кредитного риска рейтинговые агентства в предлагаемой системе получают возможность непосредственно влиять на стоимость кредита для конкретного ссудозаемщика, возникает дополнительный и, надо полагать, весьма мощный фактор преднамеренных ошибок этих агентств, сводящихся к завышению рейтинга, т. е. к недооценке кредитного риска (*rating shopping*). Заведомо известен непосредственный результат этих ошибок – реальная недокапитализация банков при росте внешнего благополучия. Иными словами, то, что банки делают сейчас сами, обходя действующие требования по достаточности капитала, будет делаться независимо от банков рейтинговыми агентствами и ссудозаемщиками к их обоюдному удовольствию. Очевидны и весьма вероятны более общие последствия такого рода ошибок рейтинговых агентств, которые состоят в ослаблении банков, повышении вероятности финансовых затруднений как отдельных банков, так и риска кризисных явлений кредитной системы в целом.

Безусловно, это мрачный прогноз. Он может реализоваться лишь при условии достаточной высокой концентрации такого рода ошибок. Маловероятно, что коррупция выступит серьезным фактором деятельности рейтинговых агентств в странах с устоявшимися традициями, развитым рынком рейтинговых услуг и правовым режимом деятельности рыночных субъектов. Хотя возможность возникновения рейтинговых скандалов существует и для таких стран. Что касается стран без традиций, без рыночной культуры и без развитой рейтинговой индустрии, или хотя бы без одного из этих компонентов, то для них картина может получиться и вовсе неприглядная. В итоге намерение приблизить оценку к уровню реального кредитного риска, создать более благоприятные конкурентные условия банкам, укрепить их стабильность окажется одним из тех благих намерений, которыми, как известно, мостится дорога в ад.

У этой проблемы есть еще один аспект. Передача полномочий по оценке кредитных рисков в руки рейтинговых агентств фактически лишает национальный орган банковского надзора возможности влиять на ситуацию с оценкой кредитных рисков. Это может также весьма печальным образом сказаться на качестве оценок. В конечном счете, либерализация оценки кредитного риска, перенос центра тяжести такой оценки на рейтинговые агентства и удаление с поля деятельности национальных органов банковского надзора в условиях неустойчивой экономики и банковской системы способны привести к концентрации у банков кредитных рисков и явиться дополнительным фактором ослабления иммунитета банковской системы к кризисным явлениям. Неудивительно, что отношение к использо-

ванию внешних рейтингов для оценки кредитного риска на редкость единодушное: все видят дефекты данного подхода, включая банки, надзорные органы, науку и рейтинговые агентства. Аргумент, который обычно приводится в пользу данного подхода, весьма незатейлив: да, подход нехорош, но ничего лучшего никто не предложил. Так ли это? Существует ли разумная альтернатива прямому использованию кредитных рейтингов для оценок кредитных рисков? Помимо уже упомянутого предоставления наиболее продвинутым банкам права руководствоваться при определении уровня кредитного риска собственными соображениями (*internal rating-based approach*) альтернативой рейтинговым оценкам для обычных банков, которых по всему миру подавляющее большинство, являются:

а) определение шкалы кредитных рисков национальным органом банковского надзора, например, с использованием результатов внешних рейтинговых оценок, опыта развитых стран, наконец, собственных представлений национальных органов банковского надзора об уровне рисков;

б) сохранение в силе стандартного подхода, предусмотренного Соглашением 1988 г., с соответствующими усовершенствованиями (отказ от клубного принципа, более широкий учет техники снижения кредитных рисков).

В обоих случаях орган надзора может специально рассматривать нестандартные ситуации и принимать по ним отдельные решения, касающиеся оценки риска. Применение указанных возможностей все ставит на свои места: национальный орган банковского надзора отвечает за качество стандартных подходов и оценок, равно как за качество конкретных разовых решений. При всем несовершенстве такого рода оценки кредитного риска значительно меньше подвержены влиянию случайных факторов. Национальный надзорный орган напрямую взаимодействует с национальной банковской системой без фильтров и промежуточных звеньев в лице рейтинговых агентств. За спиной надзорного органа – общество, кредиторы которого он в этой ситуации способен защищать, хорошо ли, худо ли, но, по крайней мере, не вслепую.

Вариант «а» создает слишком широкий простор для субъективизма в оценках рисков и препятствует (или может воспрепятствовать) формированию во всех странах единого надзорного климата. Поэтому он мог бы применяться в ограниченном объеме, например, для оценок кредитных рисков крупных международных фирм. Подход «б» представляется оптимальным для оценки кредитного риска заемщиков, работающих внутри данной страны.

В этой связи наиболее разумным представляется применение следующей схемы: продвинутые банки используют свои системы оценки рисков, остальные руководствуются регулятивными требованиями, которые являются улучшенным вариантом стандартного подхода, предусмотренного Соглашением 1988 года.

В рамках данного варианта оценки кредитного риска (внутренние рейтинги для особо продвинутых банков и усовершенствованное Соглашение 1988 г. для всех остальных) может быть вполне удовлетворительно решена и одна из наиболее сложных проблем оценки кредитного риска – проблема адекватной оценки суверенного риска. Действительно, тот, кто измеряет степень суверенного риска страны, находится в уникальной ситуации: он допущен к святым святым финансовой системы государства-заемщика, так как фактически определяет цену на прирост и обслуживание его государственного долга. Если он при этом не кредитор, то это поневоле рождает всякие изощренные мысли о границах дозволенного. Особенно, когда шаг вправо или, скажем,

влево – это двукратное изменение уровня кредитного риска¹. Более того, определяя цену на государственный долг, финансовый гуру задает фундаментальные параметры цен на внешние займы всех заемщиков внутри данной страны. Это слишком ответственно и зыбко, чтобы сосредоточить все в одних руках или в руках специалистов одного цеха, участники которого избавлены от риска материальных потерь в случае ошибки¹. Другое дело, когда решение об уровне кредитного риска принимает кредитор. В этом случае цена ошибки для стороны, принимающей решение, переходит из этической категории в материальную. Но кто может выступать внешним кредитором государств? Помимо других государств и международных финансовых организаций, это, как правило, крупнейшие финансовые посредники, в том числе крупнейшие банки, т. е. именно те банки, которые

могут располагать продвинутой системой оценки кредитных рисков. Предоставление им возможности оценивать суверенные кредитные риски кажется вполне логичным. Для остальных банков риск на суверенного заемщика вполне может определяться национальным органом надзора, который должен в большей или меньшей степени учитывать рекомендации Базельского комитета, рейтинги международно признанных рейтинговых агентств либо ориентироваться на собственные представления об устройстве системы экономического мироздания.

К сожалению, перспективы практического использования предложенной схемы отнюдь не обнадеживающие. Дело в том, что исходное решение Базельского комитета, результатом которого явились поиски новых подходов, носило вполне конкретный характер и сводилось к тому, что достаточность капитала банков должна определяться исходя не из уровней риска, задаваемых надзорным органом, а из оценок, отражающих экономической, т. е. реальный уровень риска в каждом конкретном случае. Иными словами, эти уровни риска должны не устанавливаться решением сверху, а рассчитываться.

Таким образом, на Соглашении 1988 г. был исходно поставлен крест, и вернуться к нему или даже заговорить о возврате значило бы признать, что ранее принятое принципиальное решение было ошибочным или, по меньшей мере, не вполне своевременным. Разумеется, Базельский комитет, дорожа своей репутацией, не будет обсуждать возможность изменить решение. Единственное, что в данной ситуации реально, это тактическое маневрирование, и, видимо, будет предпринята попытка максимально использовать такую возможность. Переходный период к новым подходам в оценке достаточности капитала должен составить не менее 3-5 лет. Рекомендации Базельского комитета по данному вопросу, которые заменят собой Соглашение 1988 г., также появятся не ранее второго полугодия 2001 г. и вступят в силу, видимо, с 2002 г. Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой предполагается не слишком торопить с введением новых подходов, и, возможно, для тех из них, которые не будут готовы к этому, переходный период будет еще более продолжительным. В целом есть большая вероятность того, что практические проблемы, вызванные введением новой системы оценки рисков, будут выявлены раньше перехода на эту систему большинства стран. Тогда появится возможность внести в нее соответствующие коррективы. Сделать это будет в известном смысле проще, так как это решение, видимо, будут принимать другие люди и в другой ситуации.

Еще несколько слов о новой системе оценки рисков. Она предполагает появление категорий активов, кредитный риск по которым оцениваются величинами, превышающими 100%. С позиций арифметики и практики это означает увеличение требований по капиталу под данный актив. Например, если кредитный риск некоего актива оценивается в 150%, а общее требование к достаточности капитала составляет 8%, то практически это значит, что минимальный капитал, требуемый для покрытия риска по данному активу, должен составить 12% его стоимости. То есть ситуация вполне объяснимая. С методической точки зрения положение хуже, так как 100% риска – это естественная граница, отделяющая неожиданного риска от ожидаемого. И оценка риска в 150% с этой точки зрения должна означать требование по созданию резерва в размере не менее 4% стоимости актива ($50\% \cdot 0,08$) и наличие капитала в размере не менее 8% его стоимости.

¹ В обобщенном виде предложения Консультативного документа представлены в статье В. М. Усокина (См. Деньги и кредит. - 2000. - № 3. - С. 51. - Табл. 2). Переход от одной оценки риска к другой (например, от 20% к 100% по нефинансовым компаниям или от 20% к 50% и к 100% по банкам) действительно впечатляет. В дополнение к общему впечатлению уместной может быть следующая информация. Один из представителей органов банковского надзора страны, которая в настоящее время не занимает средства на внешнем рынке, поведал мне в частной беседе такую историю. Кредитный рейтинг его страны традиционно устанавливался на весьма невысоком уровне (BB), что согласно классификации Консультативного документа эквивалентно 100% кредитного риска. При стандартных требованиях к достаточности капитала 8% кредитор должен был бы держать капитал, равный 8% суммы кредита, выданного данному государству, т. е. столько же, сколько и в соответствии с Соглашением 1988 г. Например, при кредите 100 млн дол. США минимальное требование по капиталу под этот кредит составило бы 8 млн дол. США. Специфика состоит в том, что страной рейтинг не заказывался и работа рейтингового агентства не оплачивалась (поскольку стране не нужны займы, постольку не нужен и рейтинг). Однако свободный рейтинг, по мнению специалистов данной страны, неадекватно отражал ее кредитоспособность. Консультации с рейтинговыми агентствами позволили заключить, что в случае заказа и оплаты услуг рейтингового агентства кредитный рейтинг мог бы быть не ниже BBV-, что соответствует 50% кредитного риска и требует в два раза меньше капитала, чем в исходном случае.

¹ Подвижность оценок рейтинговых агентств наиболее ярко была продемонстрирована в ходе азиатского кризиса 1997 - 1998 гг. Согласно исследованию, предпринятому в рамках Базельского комитета по банковскому надзору «Уроки для банковского надзора, вытекающие из азиатского кризиса» (BCBS working papers. - 1998. - № 2. - June. - P. 21), кредитные рейтинги стран с июля 1997 г. по январь 1998 г. были понижены крупнейшими рейтинговыми агентствами от 3 до 12 ступеней. Например, по Корею (Fitch/IBCA) с AA-до B- (-12), по Индонезии (S&P) с BBV до B (-6), по Таиланду (Moody's) с A3 до Ba1 (-4). В связи с циклической подвижностью рейтингов аналитиками высказываются опасения, что их применение в регулятивных целях также будет иметь проциклический эффект: в восходящей фазе цикла, когда рейтинги благоприятны, потребность в капитале будет снижаться, что плохо, так как ставит под угрозу стабильность банка и банковской системы, а в нисходящей, когда рейтинговые оценки резко ужесточаются, потребность в капитале будет завышаться, что тоже плохо, так как приводит к дополнительному ограничению кредитных возможностей банков (credit crunch) и препятствует рассасыванию кризисных явлений в экономике. В этом смысле негибкие регулятивные подходы оказываются в стратегическом плане более адекватными, нежели подходы, базирующиеся на тонкой оценке кредитоспособности заемщика.

Вопрос, который в связи с обсуждаемой темой серьезно волнует банковское сообщество, надзорные органы и правительства стран, не входящих в число развитых, относится к сфере общих условий организации финансовых потоков. Вновь вводимая система оценок кредитных рисков выступит фактором повышения цены капитала для стран третьего мира и перераспределения капиталопотоков в пользу развитых стран. В первое время такое воздействие новой системы регулирования может иметь весьма негативный эффект, особенно для стран (экономик), привлекающих существенную часть капитала извне. Очевидно, руководящими органами соответствующих стран и международных организаций должны быть предприняты меры, нейтрализующие возмущающее влияние предлагаемых изменений. Пока, правда, не очень ясен перечень таких мер.

Краткие итоги

Подведем краткие итоги регулирования достаточности капитала с 1988 г. до наших дней. Капитальный хомут, который регулирующий орган попытался надеть на шею крупнейших банков (international active banks), сначала захватил все банки (что неплохо), а теперь, видимо, закрепится преимущественно на средних и мелких банках.

Крупнейшие банки и мощнейшие должники, включая государства, получают значительную фору в экономическом соревновании через цену кредитов, т. е. цену капитала, и ориентацию капиталопотоков. Небольшие и слабые банки должны довольствоваться меньшим и худшим – в надежде на то, что и им что-то перепадет.

Консерватизм и само положение регулирующего органа подвергаются сомнению. Соглашаясь с тем, что продвинутый банк лучше знает, какой в конечном счете капитал ему требуется для абсорбирования потерь, этот орган тем самым фактически перестает регулировать, сохраняя за собой в лучшем случае позицию контролера качества системы риск-менеджмента банка. Индивидуальный подход к освобождению банков от «крепостного» положения может принести положительный результат. Массовый переход на указанную систему будет иметь драматические последствия даже для стран с развитыми рынками. Дополнительный стимул эти опасения получают, если помимо внутренних систем оценки кредитных рисков банкам будет рекомендовано широко использовать результаты независимых рейтинговых оценок кредитоспособности заемщиков.

Вместо выводов

Так ли все действительно опасно? Жизнь покажет. Много зависит от того, какая система оценки рисков и расчета достаточности капитала в конечном счете будет установлена и насколько быстро она заменит существующую систему. Если обобщать, то риск будущей системы требований к достаточности капитала, которая придет на смену Соглашению 1988 г., напрямую зависит от того, насколько эта новая система будет экстремистской, т. е. насколько она будет построена по принципу «один размер подходит всем». Иными словами, насколько эта система унаследует недостаток, который справедливо критикуется в рамках системы 1988 года.

Безусловно, система 1988 г. по основным сво-

им параметрам консервативна и не отличается гибкостью. Однако это не дает оснований считать, что широкое, с революционным размахом использование ультралиберальных подходов (ориентация на оценки местных рейтинговых агентств) является меньшим злом для банков и их кредиторов. Упоминание принципа «один размер подходит всем» – это, разумеется, упрощение, так как по крайней мере два размера (внутренние рейтинги и модели кредитного риска для особо продвинутых и внешние рейтинги для всех остальных) уже анонсированы. Но достаточно ли этих двух подходов? Представляется, что нет. Авторы предложений, судя по всему, были так увлечены идеей перехода от регулятивного капитала к экономическому, что упустили из виду одно обстоятельство: концепция экономического капитала может эффективно работать лишь при определенных условиях. Эти условия включают как минимум:

наличие достаточной устойчивости в политике и экономике, системе регулирования, правовом режиме и т. д. (как иначе с удовлетворительной степенью вероятности оценить риск неплатежеспособности заемщика?);

наличие качественной базы данных у кредиторов.

В развивающихся экономиках и банковских системах существование таких условий невозможно по определению. Если признать это обстоятельство существенным, то из него с неизбежностью вытекает вывод о необходимости привнесения в минимальный ассортимент регулятивных схем еще одной, базирующейся на Соглашении 1988 г., освобожденном от присущих ему недостатков (клубный подход) и уточненном с учетом тенденций развития кредитного дела и финансовых рынков (вопросы обеспечения, неттинга, секьюритизации долгов, кредитных деривативов и т. п.).

Конечно, приятнее считать банковское регулирование интернациональным и единым. А указанные моменты как будто вносят элементы раскола в стройные ряды регуляторов. Однако это обманчивое ощущение. В действительности речь идет о тактических различиях внутри стратегического единства. Если не позволять эмоциям доминировать над здравым смыслом, то очевидной становится следующая констатация: разумные тактические различия в подходах к регулированию достаточности капитала в разных странах в действительности значат для поддержания реального единства системы банковского регулирования несравнимо больше, чем формальное единообразие подходов, представляющее на самом деле серьезную угрозу для решения ключевой задачи банковского надзора любой страны. Эта задача состоит в формировании здоровых банковских систем в первую очередь на национальном и уже потом на международном уровнях.